

Т. И. Трошина

Отзвуки кронштадтских событий 1921 г. в Архангельской губернии

Зима и весна 1921 г. были ознаменованы серией антибольшевистских выступлений, прокатившихся практически по всей стране. Наиболее организованным стало матросское восстание в Кронштадте. Высказанное Л. Д. Троцким предположение о подготовке Кронштадтского мятежа (или восстания; использование названия указывает на оценочное суждение тех событий) из зарубежного центра¹ ничем конкретным не подтверждается. Не только в советских, но и в эмигрантских² работах акцент в основном делается на событийную канву. Было ли восстание инициировано извне или руководилось из «центра» внутри страны, однозначного ответа не дает и современная историография. (Сошлемся на статью, построенную прежде всего на следственных документах, которые не подтверждают прямых контактов восставших с зарубежным эсеровским центром³.) Известно, что практически одновременно вспыхнули и крестьянские восстания, самыми масштабными из которых были Сибирское, Тамбовское, Вельское (на севере Вологодской губернии). Свои «республики» возникли и просуществовали какое-то время во многих деревнях, волостях, даже уездах и небольших городках по всей России.

Тема этих выступлений, и прежде всего матросского восстания в Кронштадте, занимает особое место в отечественной истории, поскольку считается, что они послужили отправной точкой принятия новой экономической политики. И если крестьянские бунты своими формами уходят в дореволюционный опыт «диалога с властью», то вопрос о подготовке кронштадтских событий остается от-

Трошина Татьяна Игоревна
д-р ист. наук,
проф., Северный
(Арктический)
федеральный
университет
им. М. В. Ломоносова;
Северный
государственный
медицинский
университет
(Архангельск, Россия)

крытым: был ли это стихийный «мятеж» или отлично подготовленное в условиях жесточайшего политического контроля восстание, которое запланировано перекинулось на всю страну.

Автор этой статьи, изучая документы Вельского восстания, а именно протоколы допросов мятежников, обратила внимание на присутствие некоего неизвестного «матроса из Кронштадта», который (или которые — судя по описаниям, это были разные люди) ездил по волостям и призывал к восстанию. Создавалось впечатление, что это достаточно традиционная стратегия бунтующих крестьян: сослаться на некоего анонимного зачинщика. Однако знакомство с документами, отражающими события конца 1920 — весны 1921 г. в других районах севера Европейской России, заставляет задуматься о подготовленных акциях.

С. В. Яров отмечал, что не переросший в революцию государственный кризис 1921 г. «тем не менее очень важен для осознания революционного акта»⁴, поэтому тщательное исследование всей канвы происходивших событий, попытка выстроить причинно-следственные связи — весьма актуальны для осмысления переходного периода российской истории. Если серия восстаний, охвативших страну «от края и до края», действительно была подготовлена глубоко законспирированным эсеровским центром, это может относиться к наиболее ярким революционным деяниям. Безусловно, В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому было легче готовить государственный переворот в стране, которая после Февральской революции получила все возможные свободы: от фактического отсутствия каких-либо служб безопасности до почти неограниченных свобод собраний, слова, печати... Совсем иначе было поднимать массы, даже морально к этому готовые (из-за всех тех невероятных трудностей, с которыми пришлось столкнуться населению во время Гражданской войны и сразу же после ее окончания — особенно после окончания, поскольку надежды на «мирную и счастливую жизнь» не оправдались), в условиях жесткого и массового контроля. ВЧК и ее региональные отделения смогли организовать настолько мощную осведомительскую систему, на такую широкую ногу была поставлена цензура и перлюстрация писем (тщательной политической цензуре подвергалась вся переписка — даже советских и партийных работников), столь жесткая и бескомпромиссная существовала репрессивная политика, что организация восстаний практически одновременно по всей стране не может не вызывать удивления.

Историография Кронштадтского восстания⁵ построена в основном на таких источниках, как воспоминания участников и следственные дела⁶, что создает впечатление полной фактологической насыщенности тех событий. Общепринятой считается высказывавшаяся еще в советской литературе мысль о влиянии на настроения военнослужащих жалоб крестьян на трудности «военного коммунизма»⁷. Однако сохраняется потребность в дополнительном исследовании происходившего, в частности в воссоздании той «сети», которая связывала воедино ячейки огромного крестьянского организма через, предположительно, кронштадтских агентов-«земляков». В этом отношении особый интерес представляют сводки о настроениях населения, составленные на основе

анализа перлюстраций, донесений осведомителей и секретных сотрудников, других форм наблюдений. История создания политического контроля в ранне-советский период достаточно хорошо изучена⁸, и данная статья в значительной мере построена на материалах, поступавших в компетентные органы в виде такой «оперативной информации».

Историография крестьянских восстаний 1920–1921 гг. существенно расширилась начиная с 1990-х гг.; обзор основных концепций представлен в ряде обобщающих работ⁹. Крестьянские выступления на Европейском Севере России (конкретно — в Архангельской губернии) происходили в значительной степени под влиянием агитации более активных соседей; имеются в виду Вельское¹⁰ и Сибирское восстания, прежде всего в северной части Западной Сибири¹¹. А вот события 1921 г. в провинциальных городах (за исключением центров восставших территорий) внимание историков привлекали мало. Темой данной статьи и стала реконструкция событий в губернском Архангельске, ряде уездных центров губернии, а также в волостях.

Следует отметить также историческую близость губернии к Петрограду. Часть уездов традиционно именовалась «подстоличными», поскольку именно Санкт-Петербург был основным центром притяжения северных «отходников», которые вернулись в свои деревни после Революции 1917 г., существенно осложнив социально-политический ландшафт этих в целом спокойных территорий, либо продолжали работать или служить в Северной столице во время и после Гражданской войны. Кроме «экспорта» революционных настроений, Петроград «импортировал» (фактически экспроприировал) получаемые через Архангельский порт продовольственные, промышленные, военные грузы. В связи с этим наблюдается определенная корреляция экономических событий и политических настроений в Архангельской губернии и Петрограде, что подтверждается сравнением происходившего в этих двух регионах (сошлемся на анализ опубликованных документов, отражающих экономическое положение населения Петрограда в период перехода от политики военного коммунизма к нэпу¹²).

Архангельская губерния относилась к числу «спокойных» в тот период всеобщего крестьянского бурления. Вместе с тем события в Кронштадте вызывали у местных властей беспокойство; в Архангельске помнили, что «революционный переворот (а «перевороты» происходили здесь в 1917, 1918, 1920 гг. — *Т. Т.*) начался с моряков»¹³. Ждали бунтов в «ненадежных» (из бывших белоармейцев) местных воинских частях, среди контингента размещенных в губернии лагерей «пленных гражданской войны». Беспокойство вызывали северо-восточные уезды, где уже в феврале 1921 г. стали появляться признаки подготовки народных бунтов (предполагалось, что агитация распространялась из-за Урала), а также южный, Шенкурский уезд, в граничивших с которым волостях Вологодской губернии в марте развернулось достаточно широкое Вельское крестьянское восстание.

Встреченная жителями Архангельской губернии в феврале 1920 г. с большими надеждами советская власть быстро их разочаровала. Короткий период относительного спокойствия сменился не только распространением подраз-

версток на эту традиционно «потребляющую» губернию, но также — массовыми репрессиями и расстрелами. Губерния была признана особо опасной в силу глубоких корней, которые в ней запустила «миллеровщина», а также по причине близости границ и, следовательно, опасности «шпионства». В ответ на телеграмму от 24 декабря 1920 г. об отмене, в связи с прекращением военных действий и окончанием в целом Гражданской войны, высшей меры наказания без соответствующих санкций Всероссийской ЧК, Архангельская коллегия ВЧК ходатайствовала, «принимая во внимание... особенности населения от других центральных губерний... оставить в силе применение высшей меры наказания, существующей для губерний, объявленных на военном положении»¹⁴. Получив соответствующее разрешение, Архангельская губЧК начала массовые «акции»¹⁵, прежде всего в отношении контингента расположенных здесь фильтрационных лагерей военнопленных белоармейцев, как местных, так и направляемых с южных фронтов.

Напряженная ситуация в губернии подогревалась слухами, широко распространяемыми среди населения, которые, в отсутствие надежной информации, в беспокойные времена всегда были лучшим «оружием» для мобилизации масс против власти. Судя по мартовским политсводкам, в Архангельске ходили слухи, «что Врангель на Каспийском море высаживается и хочет перерезать Кавказскую дорогу»¹⁶, что «тов. Троцкий и Ленин арестованы, а Архангельск пал»¹⁷. С открытием навигации ждали возвращения «союзников», нового переворота, в результате чего Архангельск будет объявлен «нейтральным городом»¹⁸.

Недовольство городского населения было вызвано ухудшающимся продовольственным обеспечением. Распространители слухов утверждали: «Недостающие продукты получите, когда будут удалены от власти жида и их приспешники, а это время не за горами»¹⁹. Как нередко бывало, нервную обстановку создавали опасения дальнейшего ухудшения, поскольку сибирские бунтовщики перекрыли железную дорогу, прекратив тем самым вывоз хлеба в Европейскую Россию. В результате, как сообщали информаторы, «всюду слышно недовольствие и все чего-то ждут»²⁰.

Об этих настроениях местные партийные и военные власти знали, поскольку система контроля за населением была поставлена на широкую ногу. В конце 1920 г., «в связи с усилением новой волны революционного движения», чтобы «своевременно принять положение других губерний и самим применить предупредительные меры», и для «своевременной информации советских и партийных организаций», губЧК предлагалось установить «порядок взаимной информации мест и центра». С этой целью необходимо было «усилить информационный аппарат, который должен проникнуть в гущу рабочих и крестьянских масс» (то есть расширить круг осведомителей), и на основе получаемых сведений представлять ежедневные сводки с мест «о настроениях» различных слоев населения²¹. Милиция, ЧК, низовые партийные ячейки обязаны были любыми способами привлекать осведомителей²². Делать это было непросто; если милиция и чекисты могли использовать для получения необходимых сведений «чуждый элемент» (рекомендовалось, например, в качестве осведомителей

привлекать «барышень сомнительного поведения»), то коммунисты нередко отказывались официально оформляться в качестве сексотов, обещая сообщать, если им станет известна какая-либо информация о контрреволюционных заговорах. «Вербовка идет щекотливо... — оправдывался начальник следственно-осведомительской части транспортной ЧК Архангельского порта, — затруднительно вербовать [секретных] сотрудников, везде отказ»²³.

Помимо сомнительных слухов, чекисты сталкивались с оформленной внешней агитацией. Так, в феврале 1921 г. в Архангельске стали распространяться постановления «общих собраний» рабочих других городов, где, в частности, отмечалось, что недолгая власть коммунистов привела к самым плачевным результатам, и выдвигались предложения выхода из создавшегося положения: «легализовать социалистические партии, стоящие на платформе советской власти»²⁴. В деревнях появились «прокламации эсэровской партии: “Коммунистов колите, деньги жгите, хлеб берегите, 21-го числа нам помогите”» (сведения о таких текстах приходили из многих мест, но отмечалось, что «сами прокламации не обнаружены») ²⁵.

Перехваченные цензурой частные письма показывали напряженное настроение во всех слоях населения, и что самое опасное — среди военнослужащих, рабочих, партийных и советских работников. «Местные Че-Ка» (именовавшиеся «политбюро» и выполнявшие на уездном или волостном уровне функции «партийного контроля»²⁶) занимались политическим сыском, нередко переходившим в слежку за личной жизнью коммунистов, постоянными разбирательствами, что делало тех очень уязвимыми в среде, в которой им приходилось жить. К тому же информация «политбюро» о «контрреволюции» не всегда вызывала доверие губернских властей. Настоящие заговорщики могли дезориентировать наивных уездных коммунистов. С другой стороны, «контрреволюционерами» какие-нибудь особо активные «политбюро» могли объявить учителей, собиравшихся для обсуждения своих профессиональных дел. Бывали случаи, когда часто возникающие в то время волнения в волостях, связанные с вывозом хлеба (собранного у населения, чтобы люди не «проели» семенной запас, но вывозимого «в долг» в голодающие уезды и губернии), представлялись в политсводках и секретных донесениях как «крестьянские бунты». Для успокоения бунтовщиков достаточно было направить хорошего агитатора; в крайнем случае — прислать отряд красноармейцев, один слух о котором заставлял крестьян спешно расходиться по домам.

Недоверие к информации с мест требовало ее перепроверки, что и позволило губернским властям обратить внимание на синхронность возникающих волнений, на схожесть их лозунгов и «сценариев» разворачивания событий.

Таким образом, подготовленные «из центра» и хорошо понимающие реальную ситуацию на местах архангельские власти начали заранее готовиться подавить возможное восстание. Как следует из секретного доклада Архангельской транспортной ЧК, «в связи с кронштадтскими событиями большинство сотрудников брошены в массы для наружного наблюдения и установления настроения». Кстати, наблюдение отмечало, что «настроение спокойное»²⁷: согласно политсводкам за март и апрель, в Архангельске «в связи с крон-

штадтскими мятежами были волнения, [но] пока спокойно»²⁸. Отмечалось, что «население города и окрестностей настроено враждебно. Недовольство проявляется, но активных выступлений нет»²⁹. В Мурманске были запрещены всякие митинги и собрания, в результате — также отмечалось, что «все спокойно», за исключением разговоров, что «при белых лучше жили во всех отношениях»³⁰.

Чтобы разрядить напряжение и немного ослабить тяжелую продовольственную проблему, были сняты так называемые заградотряды Губернского продовольственного комитета, а продотрядам, контролировавшим железные дороги, было приказано «ослабить надзор за провозом продовольствия, в особенности среди рабочих, крестьян, красноармейцев»³¹ (собственно, требование именно таких послаблений было выдвинуто и кронштадтскими мятежниками³²).

19 марта на заседании губисполкома и губкома ВКПб с представителями Архангельского укрепрайона (командирами гарнизона и флотских частей) было отмечено, что «в Архангельске и в войсках все спокойно», но при этом намечены меры по охране города и важных городских объектов — электростанции, водопровода, телеграфа и др.³³

Военный совет местного гарнизона был «усилен» представителями губисполкома, губЧК, губкома ВКП(б); «в случае необходимости» предполагалось создать Ревком. Дело в том, что до конца доверять военным советские и партийные власти не могли. Большинство частей были сформированы из бывших белоармейцев; военморы могли находиться под влиянием своих товарищей в Кронштадте. Например, из перехваченной английской радиogramмы было известно о якобы готовящемся восстании военных моряков в Архангельске. Из Реввоенсовета Республики поступили рекомендации по проведению превентивных мер: «При малейшей неблагонадежности состава [Беломорского военного флота], отправить в Москву, проверить состав матросского дома; извлечь несознательный и неустойчивый элемент; провести широкую [агитационную] кампанию о замене продразверстки продналогом...»³⁴ На экстренном заседании президиума Архангельского губкома совместно с представителями ЧК, командующим Беломорского военного округа и начальником морских сил было принято решение «пересмотреть состав Беломорского военного флота и сделать необходимые изъятия», а также запретить морякам снимать квартиры, переводя их на суда³⁵ (тем самым предполагалось не допустить политического влияния на военморов со стороны «контрреволюционных сил»).

Итак, военнослужащие в сложившихся условиях воспринимались как ненадежные, поэтому привлечь в случае необходимости для подавления возможного восстания планировали коммунистические части — своеобразное ополчение из коммунистов, прошедших вне зависимости от пола и возраста обязательный «всеобуч» (всеобщее военное обучение). В отличие от красноармейцев и милиционеров, которые нередко переходили на сторону восставших, созданные на основании постановления ЦК ВКП(б) от 8 июня 1919 г. «коммунистические дружины» и «военно-партийные отряды» (ЧОНЫ, БОНЫ, ПОНЫ — части, батальоны, полки особого назначения) были абсолютно надежны и широко применялись для подавления восстаний 1920–1921 гг.

Судя по всему, вероятность бунтов и даже организованного восстания воспринималась всерьез, поскольку ответственные работники и чекисты были переведены на казарменное положение, а коммунисты Архангельска и пригородов — ознакомлены с «планом по тревожному сбору коммунистических частей» Архангельска и ближайших рабочих предместий, в соответствии с которым, «в случае тревожного настроения в городе», организовывалось постоянное дежурство у «секретных телефонов», расположенных на фабрично-заводских предприятиях, в штабах полка и батальонов особого назначения. Получив по телефону информацию о беспорядках, дежурный должен был передать на единственное находившееся в центральной части города предприятие (фабрику «Канат») распоряжение подать гудок, который подхватывали стоящие у городских пристаней пароходы; далее к общему гудку присоединялись расположенные в пригородах заводы. Для общегородского сбора и для сбора частей по отдельным районам были назначены различные наборы гудков³⁶.

Наибольшие опасения, как потенциальные участники восстания, вызывали заключенные в концентрационных и фильтрационных лагерях «военнопленные Гражданской войны». Война уже закончилась, а вопрос об их отправке по домам никак не решался. Это было дополнительным стимулом для недовольства. Заключенными преимущественно были офицеры, и в этом также заключалась «травма» местной советской власти, которая была свергнута в августе 1918 г. в результате офицерского восстания.

Были предприняты меры к срочному отзыву всех расконвоированных военнопленных офицеров (которые привлекались, в связи с недостатком в городе и губернии специалистов, к работе в учреждениях, организациях, на предприятиях). В марте 1921 г. вышло распоряжение губисполкома и губкома «офицеров белой армии, числящихся на принудработках, но работающих в советских учреждениях, заключить в лагеря, не выпуская на работы ни в коем случае». Начался срочный «пересмотр дел бывших писарей» и прочих «социально близких» специалистов, чтобы при возможности освободить их от наказания и направить «заменить взятых из учреждений офицеров»³⁷.

Чтобы ни в коем случае не допустить создания тайных организаций для подготовки восстаний, в лагерях велась активная оперативная работа. Любая информация, приходившая от осведомителей, рассматривалась «тройкой», которую возглавлял председатель Архангельской губЧК З. Б. Кацнельсон, одновременно являвшийся полномочным представителем ВЧК по Северному краю и начальником «особого отдела северной границы». Малейшее недовольство, любые волнения и высказывание претензий со стороны заключенных рассматривали как «призыв к бунту» и жестоко карали. Так и не состоявшиеся восстания в северных лагерях были ликвидированы уже на стадии их подготовки, почти одновременно с подавлением Кронштадтского восстания.

В лагерях царила настолько тяжелая продовольственная и санитарно-эпидемиологическая обстановка³⁸, что найти осведомителей среди заключенных было, видимо, несложно. О том, как произошло «раскрытие» заговоров в лагерях, можно сделать вывод на основании постановлений «тройки» о смягчении наказаний. Так, в мае 1921 г. «ввиду полной непригодности по состоянию

здоровья», а также «ввиду оказания особых услуг во время Кронштадтского мятежа по ликвидации белого офицерства» был реабилитирован и направлен по месту жительства бывший полковник белой армии. Заключенным «за контрреволюцию» в лагерь крестьянам из Шенкурского уезда была обещана, «в случае оказания услуг советской власти», отмена наказания³⁹.

В результате сведения о возможных заговорах поступали на стадии только разговоров и попыток объединиться. Например, 14 марта 1921 г. был принят приговор «тройки» о расстреле 20 заключенных в губернском исправдоме офицеров — «в связи с неисправимостью и агитацией в связи с кронштадтскими событиями»⁴⁰. Секретными протоколами подтверждалось решение о расстреле по меньшей мере 206 бывших офицеров «за агитацию в связи с кронштадтскими событиями»⁴¹. 21 марта состоялось утверждение приговора еще 34 офицерам и другим «активным контрреволюционерам», «приготавливающимся к активному выступлению против советской власти»⁴².

В апреле велось следствие по делу «о контрреволюционной агитации заключенных в концентрационном лагере № 1 (расположенном в самом Архангельске. — Т. Т.) бывших белогвардейских офицеров среди заключенных лагеря». В списке приговоренных к расстрелу была женщина — Аграфена Даниловна Толстопятова, согласно обвинительному заключению, «жена бывшего генерал-губернатора при Деникине» (в Книге памяти Краснодарского края упоминается Толстопятова Агриппина Даниловна, казачка 1865 г. р., арестованная «по политическим мотивам» в сентябре 1920 г. и приговоренная особым отделом 9-й Кубанской армии к ссылке в Холмогоры⁴³. Если это та же женщина, то секретным протоколом именно она, немолодая, 55-летняя, «обвиняемая в злостной агитации и призыве офицерства к свержению советской власти», была признана «опасной и в порядке ликвидации» расстреляна⁴⁴). Еще 105 заключенных офицеров лагеря № 1 расстреляли, «принимая во внимание неисправимость означенных кровных белогвардейцев, ярую ненависть их к Рабоче-Крестьянской власти и усиленную агитацию за выступление среди заключенных»⁴⁵. В Холмогорском лагере также были массовые расстрелы, при этом признавалось, что «операция проводилась не вполне аккуратно, на основании чего носятся нелепые слухи»⁴⁶ (то есть население выражало озлобленность и недовольство).

«География» событий весны 1921 г. в Архангельской губернии в силу ее разбросанности была весьма обширной. На юге, в Шенкурском уезде, начались волнения, «перекинувшиеся» из Вельского уезда, откуда к соседям направлялись эмиссары с целью поднять как можно больше волостей. В уездном центре, Шенкурске, сигналом общей тревоги для частей особого назначения стал колокольный звон городского монастыря, по которому все коммунисты и комсомольцы готовы были в любой момент собраться. Первое время в уезде было спокойно, и отряд шенкурских коммунистов помогал наводить порядок в Вельском уезде, успев приобрести там некоторый «боевой опыт».

Волнения в волостях Шенкурского уезда начались в 20-х числах марта. Как и повсеместно, они были связаны с изъятием хлебных «излишков». Усугублялась эта непопулярная среди населения операция еще определенной

несправедливостью. Наиболее жестко облагали Верхопаденьгскую волость, которая «провинилась» перед советской властью только тем, что оттуда родом был популярный организатор белого партизанского движения Максим Ракитин. Жители волости разгромили здание волисполкома, убили председателя волсовета, арестовали и посадили в подвал секретаря, членов волисполкома и всех волостных коммунистов.

В создавшихся обстоятельствах Шенкурск был объявлен «на осадном положении». 30 марта созван военный совет при уездисполкоме, который принял решение поднимать коммунистов. Уже через полчаса после условного сигнала 200 человек, вооруженные винтовками, а также пушками и пулеметами, под командованием командира ЧОН и комиссара направились в мятежную волость. Обошлось без кровопролития. Как часто бывало с крестьянскими восстаниями, понимая, что «сила солому ломит», и увидев вооруженный отряд, мятежники признали свою вину, инициаторами выставили наиболее «слабых» членов общества: до революции в подобных ситуациях прикрывались подростками и женщинами, теперь же, по словам волостного милиционера, который проводил предварительное следствие, зачинщиками называли беременных женщин, «имея в виду, что беременных не заберут. Мужчины держали себя в тени — во всем, мол, виноваты женщины», которые их «научили»; они же будто бы и председателя убили. Предполагаемых зачинщиц направили в Шенкурскую ЧК, где «десять дней продолжалось дознание, но виновников так и не выдали»⁴⁷. Если в южных уездах крестьянские волнения были отголосками достаточно масштабного Вельского восстания, то на северо-востоке губернии была опасность «перекидывания» мятежных настроений со стороны зауральских территорий, где разразилось Западно-Сибирское восстание.

Спасавшиеся от мятежников, захвативших власть в волостном центре Березовского уезда Обдорске (ныне — Салехард), коммунисты, советские служащие с семьями и отступавшие красноармейцы в начале 1921 г. прибыли на Печору (с открытием речной навигации сибиряки, усиленные местными военнослужащими, вернулись водным путем на родину для подавления мятежа). Население по обе стороны Северного Урала было родственным в экономическом и культурном отношении; контакты оленеводов, перегонявших свои стада из тундры в тундру, использовали в период Гражданской войны для налаживания связей между правительствами Северной области и Сибири. После окончания войны немало офицеров, в основном из местных уроженцев, спасались в тундрах, где поймать их было практически невозможно. Только путем жесткого давления на родственников удавалось заставить выдавать таких «белобандитов». Действия карательных отрядов вызывали негодование населения, которое готово было поддержать уже разгоравшееся в Западной Сибири антибольшевистское восстание.

Военком Печорского уезда в телеграмме от 24 марта предупреждал, что в случае наступления мятежников «со стороны Тобольской губернии на Ляпино — Обдорск меры принять будет нельзя», поскольку из-за сильной разбросанности населенных пунктов вовремя подвести к опасным точкам войска не удастся, и ссылался на подобную ситуацию в 1918 г., когда под влиянием

мятежа чехословацкого корпуса «поднялась» контрреволюция и «заполыхали» граничившие с северной Сибирью территории — Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии и Печорский — Архангельской⁴⁸.

На Печоре под влиянием в первую очередь продовольственного вопроса настроение населения было напряженным. По наблюдениям местных коммунистов, ситуацией хотели воспользоваться уездные «контрреволюционеры», стремившиеся вполне законным путем, через пере выборы, «захватить» власть в уезде. Решить создавшуюся проблему удалось, направив из Архангельска ледокол с хлебным грузом⁴⁹. Но Печорский уезд сохранял в глазах властей опасность возможности контактов сибиряков с заговорщиками из северной части Европейской России в случае возможного всероссийского восстания.

Командированный в начале марта для инспектирования советских учреждений в северо-восточных уездах губернии член советско-партийной комиссии И. Н. Фомин⁵⁰ отмечал в своем докладе, что события в Обдорской волости «дают о себе знать и в Печорском [уезде]. Подозрительны частые приезды нарочных из Обдорска на Печору»⁵¹. По его мнению, в уездном центре, Усть-Цильме, существовала «подпольная организация контрреволюционеров», состоявшая из подозрительных лиц: учителя Недашковского (возможно, имелся в виду заведующий училищем, уездный комиссар в 1917 г.) и «бывшего лесопромышленника» Коробова, в 1920 г. арестованного в Кеми и отправленного в губЧК, но оказавшегося, видимо в связи с нехваткой кадров, на должности заведующего Печорской уездной рабоче-крестьянской инспекцией.

Сам Фомин ехал из Архангельска на Печору в начале марта обычным путем — через Пинегу и Усть-Вашку, и «на советских станциях уже знали точно о кронштадтских событиях, и эти слухи сильнее фигурировали [в восточной части пути]. Ямщик спрашивает: “А что, товарищ, у нас говорят, что 25 марта советской власти не будет. <...> Все говорят, и проезжие, что будет Учредительное собрание...”»⁵² Фомин даже выдвинул предположение, что «контрреволюция» движется из-за Урала через Печору, Мезень и Пинегу в Архангельск и далее на Мурманск. Так, антибольшевистские прокламации в Архангельске появились в самый разгар восстания в Кронштадте, распространились на Печоре уже в январе — начале февраля. Возможно, они «были привезены из Обдорска, а в Архангельск их доставил Терентьев (направленный в тундру для прививки оленей от сибирской язвы), который приезжал из Усть-Цильмы в Архангельск в конце февраля, и появление прокламаций в Архангельске совпало с его появлением там»⁵³; от него же происходило распространение «контрреволюционной информации», поскольку дорога между Усть-Цильмой и Архангельском была одна и Терентьев мог останавливаться на тех же, немногочисленных, советских станциях, где ночевал, совершая вскоре после него путешествие в обратном направлении, представитель губкома.

В отдаленных восточных уездах, которые инспектировал Фомин, ситуация была относительно спокойная. Потенциальная «контрреволюционная угроза» уничтожалась местными «политбюро», хотя, по мнению автора донесения, делалось это неоправданно грубо. Вместо того, чтобы «этих лиц... изъять из Усть-Цильмы аккуратно, переводя в Архангельск», местные чекисты арестовали

учителя Лидина, который пользовался авторитетом среди населения, но подчинить себе «массу» не сумел и лишь «вокруг себя сгруппировал учителей, но в агитации осторожничает». С другой стороны, в Мезени политбюро не реагировало на традиционно устраивавшиеся собрания для обсуждения всевозможных вопросов, хотя Фомин предполагал, что «этим могут пользоваться эсеры и меньшевики», в частности «население находится под влиянием Холзакова, элемента с правозсеровскими наклонностями...»⁵⁴

В Усть-Вашском уезде излишне активным и подозрительным местным «политбюро» была «раскрыта контрреволюционная группа 10–15 человек», которая состояла из «малолетних, почтово-телеграфных служащих, учительства, медперсонала», имевших якобы «переписку с Сибирью и со всеми уездами губернии, пользуясь шифром. Распространяли слухи с целью подорвать доверие к советской власти»⁵⁵ (впрочем, эту информацию губЧК признала не заслуживающей внимания).

В северо-восточных уездах (Мезенском, Пинежском, Печорском, Усть-Вашском) в феврале и начале марта 1921 г. ходили «провокационные слухи в связи с кронштадтскими событиями»; в сводках сообщалось, что появились эсеровские прокламации с намеком на некие события «21-го числа»⁵⁶. Чекистами Печорского уезда был схвачен «божий человек» (предположительно «курьер патриарха Тихона»), который разносил по деревням «мирскую молитву», содержащую, якобы, призыв начать в определенный срок восстание; молитву следовало прочитать всем верующим через сельского десятского в селе: «...три дня православным рассказывай и через девять дней в двенадцатый начинай восстание»⁵⁷.

В Мезенском и Печорском уездах население было малочисленное, занималось в основном промыслами и оленеводством. На бунты же легче было поднять крестьян-землепашцев: у них больше было претензий к власти и существовала жесткая коллективная дисциплина. «Случаи [крестьянских волнений] в дни кронштадтских событий» были отмечены в земледельческом Пинежском уезде; волнение, как следует из доклада уездного исполкома, «прошло волной почти по всем уголкам уезда, но вскоре в корне пресечено»⁵⁸.

Внешне эти события производили впечатление случайных, но проходили почти одновременно и практически по одному сценарию. Схожими были и формы волнений — в виде «бабьих бунтов»; как следует из отчетов, «мужчины пока в восстаниях участия не принимают»⁵⁹ (то же отмечалось в Шенкурском уезде; «выставлять» перед карательными органами зачинщиками бунтов стариков, малолетних, женщин было обычной стратегией крестьянских обществ; «новацией» в условиях декларируемого в революционную эпоху полового равенства стало участие в качестве «зачинщиц» беременных женщин).

Истинных организаторов крестьянских бунтов обычно выявить не удавалось. Но обращает на себя внимание, что в отдаленном Пинежском уезде, через который шла единственная зимняя дорога в северо-восточные уезды Архангельской губернии, волнения начинались в волостях, по которым возвращались в родные деревни демобилизованные красноармейцы⁶⁰; возможно, от них крестьяне и узнавали о начавшихся в Петрограде и в других губерниях восстаниях.

В Михайловской волости женщины не позволяли вывозить продукты, собранные по продразверстке. «Восстание» удалось подавить, направив для устрашения уездный отряд красноармейцев. В Совпольской волости крестьяне набросились на членов волсовета, которым вместе с милиционером пришлось забаррикадироваться в помещении волисполкома; здесь основной силой восставших также были «женщины, натравленные интеллигенцией и кулачем». Бунт был подавлен «без оружия и жертв»: женщины разошлись по домам, узнав, что в волость направлен вооруженный отряд. Было проведено «на скорую руку» дознание, арестовано 34 «зачинщицы», от которых уездному «политбюро» и удалось получить информацию, будто бы «в уезде имеется подпольная организация», следов которой, впрочем, найти так и не удалось.

Кроме карательных рот, в волости направлялись коммунисты — для агитации, которая в тех обстоятельствах была достаточно надежным оружием⁶¹.

Из относительно значимых событий в других уездах можно назвать поморскую деревню Сюзьма, где «произошел бунт, взбунтовались бабы, избили всех служащих Совета за неправильные дела и за самогонку»⁶².

Кронштадтские события и происходившие параллельно с ними крестьянские волнения продемонстрировали достаточно сильный государственный и карательный аппарат, которым повсеместно уже обладала советская власть. Происходившее заставило «встряхнуться» и коммунистов. Так, обсуждая на собрании партячейки губернского совнархоза «текущий момент», приняли решение прекратить разгильдяйство, «следить за спецами за напускаемую провокацию» и «за белыми шептунами», засевшими в советских учреждениях⁶³. В определенной степени это был последний аккорд Гражданской войны, убедивший победившую сторону, что с окончанием боевых действий противостояние не прекратилось. Одновременно с активизацией «борьбы за массы» стала разворачиваться кампания подозрительности и недоверия, которая привела в конце концов к Большому террору.

¹ *Троцкий Л. Д.* О событиях в Кронштадте (Интервью с представителями иностранной печати) // Правда. 1921. 16 марта.

² Правда о Кронштадте. Очерк героической борьбы кронштадтцев против диктатуры коммунистической партии, с картой Кронштадта, его фортов и Финского залива. Прага: издание газеты «Воля России», 1921.

³ *Новиков А. П.* Эсеровские лидеры и Кронштадтский мятеж 1921 года // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.

⁴ *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. С. 63.

⁵ *Попов В. В.* Кронштадтские события 1921 г.: историография проблемы: дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.

⁶ Кронштадт 1921 г.: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / В. П. Наумов, А. А. Косаковский. М., 1997.

⁷ *Алешкин П. Ф.* Красный флаг над мятежным Кронштадтом: отражение протестного настроения крестьянства // Власть. 2008. № 9. С. 96–100.

⁸ *Слезин А. А.* Современные исследования о становлении советской системы политического контроля // Право и политика. 2010. № 6. С. 1171–1180; *Измозик В. С.* В «зеркале» политконтроля. Политический контроль и российская повседневность в 1918–1928 годах // Нестор. 2001. № 1 (5). С. 232–302.

⁹ *Телицын В.Л.* Бунтующий землепашец: 1917–1920 гг. (Пути историографической идентификации проблемы) // *Гражданская война в России: События, мнения, оценки.* М., 2002. С. 579–596; *Френклин М.С.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987.

¹⁰ Воспоминания М.М. Ушакова «Авантюра эсеров в Северном крае в 1921 году» / Публ. В.А. Саблина // *Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы.* Вельск, 2004. Вып. 2. С. 253–264; *Трошина Т.И.* Вельское восстание 1921 года // *Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сб. статей и материалов.* М., 2013. С. 211–222.

¹¹ *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // *Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск, 2001. С. 137–175; *Сибирская Вандея, 1919–1920: документы в 2 т.* Т. 2. М., 2001; *Богданов М.А.* Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961. 111 с.; *Белимов И.Т.* Разгром Сургутского кулацкого мятежа в 1921 г. // *Ученые записки Тюменского гос. пед. ин-та.* Тюмень, 1958. Т. 5. Вып. 2. С. 77–95; *Цысь В.В.* О некоторых дискуссионных проблемах истории Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. на севере Западной Сибири // *Вестник Сургутского гос. пед. ун-та.* 2012. № 1 (16). С. 90–94.

¹² «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / сост. М.В. Ходяков. СПб., 2000.

¹³ Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее — ГААО. ОДСПИ). Ф. 674. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 96. Л. 121.

¹⁶ Там же. Д. 19. Л. 76.

¹⁷ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 134; Д. 96. Л. 121.

¹⁹ Там же. Д. 19. Л. 76.

²⁰ Там же. Л. 76.

²¹ Там же. Д. 341. Л. 44.

²² Там же. Л. 218.

²³ Там же. Л. 50.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ *Гутман М.Ю.* К вопросу о политических бюро при начальниках уездных управлений милиции (1919–1922) // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.* 2011. № 1 (49). С. 28–31.

²⁷ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 50.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 76.

²⁹ Там же. Л. 116.

³⁰ Там же. Л. 116.

³¹ Там же. Л. 40.

³² Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 г. // *Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих (Кронштадт).* 1921. 3 марта.

³³ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 40.

³⁴ Там же. Д. 341. Л. 113.

³⁵ Там же. Л. 113.

³⁶ Там же. Л. 7.

³⁷ Там же. Д. 19. Л. 40.

³⁸ Подробнее об этом см.: *Трошина Т.И.* Филътрационные и концентрационные лагеря для пленных белогвардейцев на севере России // *Наследие веков.* 2018. № 2. С. 19–27.

³⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 199, 213.

⁴⁰ Там же. Л. 95.

⁴¹ Там же. Л. 96–98, 124.

⁴² Там же. Л. 45, 96–98, 124.

⁴³ Книга памяти жертв политической репрессий по Краснодарскому краю. Т. 1. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/232465/> (дата обращения: 21.12.2021).

⁴⁴ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 127.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Д. 96. Л. 121.

⁴⁷ Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Д. 3. Л. 113–115, 230 об.; ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 60 об.

⁴⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 62.

⁴⁹ *Гладышев*. Из истории Советов и Гражданской войны в Печорском крае // Рабочее звено. 1924. № 13. С. 42–49.

⁵⁰ Фомин Иван Никандрович (Никонорович) (1889 — после 1942) — из крестьян Вологодской губернии, участник Первой мировой и Гражданской войн, член ВКП(б) с сентября 1917 г. В 1920 г. член Архангельского губкома, зав. информационным подотделом. После 1921 г. откомандирован в Вологодский губком. В 1930-е гг. — начальник Земельного управления АО Коми. Репрессирован в 1937 г. (ГААО. ОДСПИ. Ф. п-1. Оп. 3. Д. 665).

⁵¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 179.

⁵² Там же. Л. 179 об.

⁵³ Там же. Л. 179.

⁵⁴ Там же. Л. 179 об., 180.

⁵⁵ ГААО. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2 Л. 35–36.

⁵⁶ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 50.

⁵⁷ *Гладышев*. Из истории Советов и Гражданской войны в Печорском крае. С. 46.

⁵⁸ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 85. Л. 103–105.

⁵⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 60 об.

⁶⁰ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 85. Л. 47.

⁶¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 56, 58, 60 об.

⁶² Там же. Д. 19. Л. 117.

⁶³ Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4. Л. 12 об.

Статья поступила в редакцию 5 января 2021 г.

Рекомендована к печати 6 сентября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Трошина Т. И. Отзвуки кронштадтских событий 1921 г. в Архангельской губернии // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 4. С. 892–907.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.404>

УДК 94(47).084.3(470.11)

Аннотация: События зимы — весны 1920–1921 гг., а именно прокатившиеся по всей стране восстания, до сих пор не имеют однозначного объяснения в исторической литературе и нуждаются в дополнительном осмыслении. В статье на основе политических сводок и секретных докладов, а также следственных дел и позднейших воспоминаний реконструированы события этого периода в одной из наиболее «спокойных» территорий Советской России — в Архангельской губернии. На местах и в центре понимали, что крестьяне стремились следовать «успешному примеру» массового противостояния властям, поэтому для предотвращения массовых выступлений стремились не только применять карательные функции и максимально ослабить влияние «раздражающих факторов», но прежде всего разорвать сеть распространения нежелательной информации. Использование большого количества осведомителей, которые вербовались из различных слоев общества, позволяло компетентным органам иметь представление о происходившем в стране и своевременно реагировать на любые возможные беспорядки. Секретная информация, в том числе полученная из зарубежных источников, заставила местные власти заранее готовиться к возможным событиям в губернском центре, а волнения в приграничных территориях — на севере Западной Сибири и в Вельском уезде Вологодской

губернии — предпринимать усилия по предотвращению возможных крестьянских бунтов. Действия местных властей в целом были успешными; волнений в Архангельской губернии удалось избежать. Однако чувство опасности, которое в результате этих событий сохранялось несмотря на окончание Гражданской войны, повлияло на формирование социального недоверия, продолжавшегося долгие годы.

Ключевые слова: Архангельская губерния, Архангельск, Кронштадтское восстание, крестьяне, бунт, ЧК.

Сведения об авторе: Трошина Т. И. — д-р ист. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова; Северный государственный медицинский университет (Архангельск, Россия); tatr-arh@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, Архангельск, 163002, наб. Северной Двины, 17

Северный государственный медицинский университет, Россия, Архангельск, 163069, Троицкий пр., 51

FOR CITATION

Troshina T. I. 'Echoes of the Kronstadt Events of 1921 in Arkhangelsk Province', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 4, 2021, pp. 892–907. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.404> (In Russian)

Abstract: The country-wide uprisings of the winter and spring of 1920–1921 still lack a coherent explanation and require further reflection. This article reconstructs events of this period in one of the most "quiet" territories of Soviet Russia, the Arkhangelsk province, using political summaries and secret reports, as well as investigative files and later memoirs. It was understood, both locally and centrally, that peasants were eager to follow the "successful example" of mass resistance to the authorities. The aim of the state was not only to use punitive measures to prevent mass protests and to minimize the influence of "irritants", but above all to disrupt the distribution of undesirable information. The use of a large number of informers recruited from various sections of society allowed competent authorities to have an overview of what was happening in the country and to respond promptly to any potential unrest. Secret information, including that received from foreign sources, forced local authorities to prepare in advance for possible events in the provincial center, and to make efforts to prevent possible peasant revolts in bordering territories in the north of Western Siberia and in the Velsk uyezd and Vologda province. The actions of local authorities were on the whole successful; unrest in the Arkhangelsk province was avoided. However, the sense of danger that persisted as a result of these events, despite the end of the Civil War, contributed to a social mistrust that lasted for many years.

Keywords: Arkhangelsk province, Arkhangelsk, Kronstadt uprising, peasants, revolt, Cheka.

Author: Troshina T. I. — Dr. Sci. in History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Northern State Medical University (Arkhangelsk, Russia); tatr-arh@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, nab. Severnoi Dvini, Arkhangelsk, 163002, Russia

Northern State Medical University, 51, Troitsky pr., Arkhangelsk, 163069, Russia

References:

- Aleshkin P. F. 'Red flag over rebellious Kronstadt: reflection of peasantry's protest mood', *Vlast*, no. 9, 2008. (In Russian)
- Belimov I. T. 'The defeat of the Surgut kulak mutiny in 1921', *Uchenye zapiski Tyumenskogo gos. ped. instituta*, vol. 5, no. 2, 1958. (In Russian)
- Bogdanov M. A. *The defeat of the West Siberian kulak rebellion of 1921* (Tyumen, 1961). (In Russian)
- Frenklin M. S. *The tragedy of the peasant uprisings in Russia 1918–1921* (Jerusalem, 1987). (In Russian)
- Gutman M. Yu. 'On the issue of political bureaus at the heads of district police departments (1919–1922)',

- Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1 (49), 2011. (In Russian)
- Izmozik V. S. 'In the "mirror" of political control. Political control and the Russian everyday life in 1918–1928', *Nestor*, no. 1 (5), 2001. (In Russian)
- Novikov A. P. 'SR leaders and Kronstadt mutiny in 1921', *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, 2007. (In Russian)
- Popov V. V. *Kronstadt events of 1921: Historiography of the Problem* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2017). (In Russian)
- Sablin V. A. 'Memoirs of M. M. Ushakov "The Social Revolutionaries' Adventure in the Northern Territory in 1921' in *Vazhskij kraj: istochnikovedenie, istoriya, kul'tura: Issledovaniya i materialy*, vol. 2 (Velsk, 2004). (In Russian)
- Shishkin V. I. 'West Siberian Rebellion of 1921: Historiography of the Question' in *Grazhdanskaya vojna na востоке Rossii. Problemy istorii* (Novosibirsk, 2001). (In Russian)
- Slezin A. A. 'Modern studies on the formation of the Soviet system of political control', *Pravo i politika*, no. 6, 2010. (In Russian)
- Telitsyn V. L. 'The rebellious farmer: 1917–1920. (Ways of Historiographic Identification of the Problem)' in *Grazhdanskaya vojna v Rossii: Sobytiya, mneniya, otsenki* (Moscow, 2002). (In Russian)
- The Siberian Vendée, 1919–1920: Documents, vol. 2, comp. V. I. Shishkin (Moscow, 2001). (In Russian)
- "Typhoid and Triumphal City". *Petrograd: from "Military Communism" to "New Economic Policy": documents and materials*, comp. M. V. Khodjakov (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Troshina T. I. 'Velsk uprising of 1921' in *Krestiyanskij front 1918–1922 gg.: sbornik statej i materialov* (Moscow, 2013). (In Russian)
- Troshina T. I. 'Filtration and concentration camps for captive Whiteguards in the North of Russia', *Nasledie vekov*, no. 2, 2018. (In Russian)
- Tsys V. V. 'On Some Debatable Problems of the History of the West Siberian Peasant Revolt of 1921 in the North of Western Siberia', *Vestnik Surgutskogo gosudastvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 1 (16), 2012. (In Russian)
- Yarov S. V. *The Citizen as a Politician. Revolution, Military Communism and the New Economic Policy through the Eyes of Petrograd Citizens* (St. Petersburg, 1999). (In Russian)

Received: January 5, 2021

Accepted: September 6, 2021